

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Пустота, бледность, мелочность и отсутствие искренности в современной русской поэзии в последнее время особенно ясно обнаружилось у нас в особом роде стихотворных произведений, который год от году все более распространяется. Этот особый род -- нечто среднее между подражанием и пародией, хотя часто и без претензии на значение пародии. Стихотворениями подобного рода наполнены теперь все наши журналы, как юмористические, так и серьезные: вся разница в том, что одни печатают пустенькие стишки без поэзии, вполне сознавая их отрицательный смысл, а другим этого сознания недостает. Оттого, например, Пр. Вознесенский, Знаменский, Гейне из Тамбова, Амос Шишкин, Обличительный поэт и пр. и пр. не имеют претензий на поэтическое творчество: их дело -- перефразировка и пересмеиванье общих мест и всяких нелепостей, забравшихся в поэзию; а гг. Аполлон Капелькин, Апухтин, Крестовский, Лилиеншвагер, Розенгейм, Зорин, З. Тур, Случевский, Кусков, Пилянкевич, Вейнберг, Кроль, Попов и пр. и пр. полагают, наверное, что они, между прочим, горят небесным огнем и призваны поведать миру нечто художественное. Может быть, со временем, они и действительно что-нибудь поведают, так как они все только еще начали свою литературную карьеру на нашей памяти; но мы не хотим заглядывать в будущее, а говорим о настоящем. В настоящем же трудно решить, кому отдать преимущество -- этим ли добродушным юношам, серьезно и искренне творящим свои стихи, или тем господам, которые не занимаются версификацией иначе, как насмех. У тех и других замечаем мы отсутствие душевного жара, недостаток страсти убеждения, много чужого, ничего собственного; те и другие одинаково повторяют зады, те и другие одинаково ненужны, бесполезны, ничтожны. У одних, правда, можно заметить (если очень внимательно и снисходительно всматриваться) порыв к чему-то, желание что-то выразить, хоть и неудачное желание, но все-таки искреннее; но зато у других видно большее уважение к требованиям здравого смысла и значительно меньшая склонность удаляться от простых понятий и чувств обыкновенных смертных. Притом же последние и тем хороши, что никого не вызывают на эстетическую критику и не повергают в мечтательное настроение духа.-- Словом, мы, по своему личному вкусу, наклонны к тому мнению, что уж если писать стихи, какими в последние годы наполнялись все наши журналы, то уж лучше всего писать их на смех или по крайней мере с примесью иронии.

Отчего вдруг такое строгое осуждение нашим стихотворцам, из которых иных сам же "Современник" не раз поощрял и пускал в ход? Такой вопрос может прийти в голову многим читателям, и мы считаем не лишним объяснить.

Записные любители литературы, следящие за всеми ее мелочами, помнят, конечно, что около 10 лет, почти тотчас после того, как перестали печататься в "Отечественных записках" посмертные стихотворения Кольцова и Лермонтова, то есть с 1844 или 1845 года, в наших журналах стихотворения почти не печатались: исключение составлял один "Москвитянин". С 1854--1855 годов опять стихи сделались почти необходимостью каждой журнальной книжки. Искать причину такого мелкого явления в мировых событиях, конечно, немножко забавно; но, кажется, мировые события действительно тут не совсем в стороне. Дело в том, что художественный, младенчески-беззаботный и грациозно-ребяческий период нашей поэзии был уже завершен Пушкиным; Лермонтов не выказал вполне своих сил и до конца жизни не умел, что называется, стать на свои ноги, потому и не мог образовать нового направления; Кольцов остается особняком до сих пор: его оригинальные опыты оказались тоже недостаточно сильными, чтобы повернуть нашу лирику на новый путь. После них нужен был поэт, который бы умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова, и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого не доставало Лермонтову. Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы такого поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт. Но, к сожалению, [наступившие вслед за тем события²] уничтожили всякую возможность высказаться и развиваться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, прибавилось у нас в Кольцове и Лермонтове³. [Общественная жизнь остановилась; вся литература остановилась; естественно, что и